

Сергей МАРТИНСОН

На книжных полках любителей кино появляется все больше литературы о киноактерах. Бюро пропаганды советского киноискусства издает серию буклетов о наиболее популярных мастерах экрана. В издательстве «Искусство» выпускаются монографии и сборники статей, посвященные творчеству киноактеров. Вскоре читатели смогут познакомиться со сборником «Актеры советского кино», в который войдут творческие портреты Игоря Ильинского, Анатолия Папанова, Тамары Носовой, Иннокентия Смоктуновского, Татьяны Самойловой, Михаила Ульянова и многих других. Сегодня мы публикуем с небольшими сокращениями творческий портрет Сергея Мартинсона, взятый из этого сборника.

ОДИН кинозритель чистосердечно признался мне, что он постоянно путает в кино Плятта, Гарина и Мартинсона. Великолепно знает каждого из них, превосходно чувствует разницу между ними, помнит роли, сыгранные каждым, и все равно... путает. Может быть, на какое-то мгновение. Когда знаменитый актер появляется на экране, в эти первые секунды он словно преломляется в сознании, как святая комедийная троица. Потом-то зритель скажет твердо: «Э... нет, это Мартинсон». Или Гарин. Или Плятт.

Поскольку это забавное наблюдение совпало и с моими тайными мыслями, я обратился еще к нескольким зрителям. Результат был поразительно одинаковый. Так я открыл пусть не великий, но все же собственный закон в киноискусстве. Закон тождества зрительской симпатии к Гарину — Плятту — Мартинсону. Закон равенства ожидаемого удовольствия от встречи с Пляттом — Гариним — Мартинсоном. Закон радости — от созерцания первоклассного комедийного мастера — Мартинсона — Гарина — Плятта.

За чертой этого «закона» лежит глубокая разница, именуемая творческой биографией, или судьбой актера.

Сергею Мартинсону, например, суждено было появиться на экране (сорок с лишним лет назад) сверха-мысловатым образом: вылезти из горлышка пивной бутылки неким Кулиджем Керзоновичем Пуанкаре. Кулидж Керзонович мечтал — ни много, ни мало —

завладеть кассой Госбанка СССР. Юные режиссеры Г. Козинцев и Л. Трауберг предоставили в распоряжение дебютанта купол Исаакиевского собора и борт одного из первых советских аэропланов. Дерзай! Твори!.. Фильм назывался «Похождения Октябрины». Фильм не сохранился. Это был 1924 год.

С тех пор актер сыграл несколько десятков ролей. Он был директором треста и дирижером оркестра, полковником - белогвардейцем и торговцем пивками, есаулом в разинском войске и парикмахером в сказочном королевстве, человеком рассеянным и человеком-крысой, испанским Фердинандом и былинным Мишатычкой, гоголевской ведьмой и экс-чемпионом по велосипедному спорту... Он играл у «фэсков» и у В. Пудовкина, у Я. Протазанова и С. Юткевича, у Б. Барнета и Г. Рошала... Он выступал в эксцентрических лентах и комедиях, детективах и драмах, кинопамфлетах и киносказках... Всюду, где требовался актер, дарование которого называлось — С. Мартинсон.

Как же систематизировать хотя бы некоторые основные типы ролей, сыгранных С. Мартинсоном? Думаю, это враги, сказочные персонажи и, наконец, реалистические, бытовые роли.

Изображая врагов, белогвардейцев, фашистов, комедийный актер дарит нам предчувствие неминуемой нашей победы. Поражения своего героя. Достигается это, казалось бы, совершенно непригодными, противоположными трусости, неуверенности, испугу, а оттого и чисто комедийными

красками. Враги у С. Мартинсона высокомерны, даже нахальны, исполнены какой-то идиотской невозмутимости. (Вспомните командира эскадрона белых Головина в «Друзьях из табора»). Но хитрый зритель знает, что наступит сладкий миг, когда будут наступать красные, и С. Мартинсон молниеносным движением сорвет маску — перед вами предстанет не только насмерть испуганный человечико, но и развенчанный болван. Потому что на стороне неправого дела выступают — по комедийному разумению актера — именно болваны. Не сочувствие, а некое ироническое сожаление вызывают такие герои Сергея Мартинсона.

Вспомните одну из самых блестящих ролей, сыгранных актером, — Вилли Поммера из «Подвига разведчика». Надутый, как индюк, полуубытатель; полусозвещ, мечтающий о «деле в России», доверчивый Вилли вызывает даже — в известных границах — сострадание как печальный продукт общества, как один из его искреннейших болванов. Сергей Мартинсон великолепно проводит эту роль, покоряя зрителя каким-то необыкновенно трезвым реализмом, безумно смешной серьезностью своего героя. И остается лишь сожалеть, что далеко не всегда авторы фильмов ставят перед актером такие интересные и серьезные задачи.

Но в годы войны на плечи С. Мартинсона пала тяжелейшая ноша: изобразить величайшего негодяя эпохи Адольфа Гитлера. И эту ношу актер пронес от «Боевого киносборника» № 7 к «Новым похождениям Швейка», к «Третьему удару».

Изображение Гитлера в первые годы войны можно было приравнять к грозному, уничтожающему выстрелу. Гитлер С. Мартинсона — бесноватый фюрер, опаснейший марзаттик, которого хочется пристрелить самому незлобивому человеку. Актер не «расцвечивает нюансами» это

настроение. Он как бы движется, действует, играет в плоскости острой, убийственной газетной карикатуры. «Мартинсон создал великолепный гротеск», — писал Алексей Толстой, — рисунок его остер, смел и едок».

...Как-то трудно переходить теперь к ролям бытовым или сказочным, скажем, к милому и трогательному композитору Керосинову из фильма «Антон Иванович сердится». Но вспомним, что во сто крат сложнее перевоплощение актера чем смена настроений критика. И, переводя дыхание, признаемся, что милым и трогательным гражданином Керосинов кажется разве что в сравнении...

В этой роли Мартинсон создал выразительнейший образ мещанина, бездарной личности, поразительного паразита. Керосинов лишет симфонии. Примерно так же, как думает Вассисуалий Лоханкин о судьбах русской интеллигенции. Это личность без просвета, без всякой надежды на обожление, некая константа уязвленной и растревоженой этим ординарности. Личность в общем-то опасная, потому что ее «не подстрелишь», как беляка, из ружья. Она имеет официальные права гражданства.

Вот с таким же тусклым, ничтожным, но прилипчивым злом сражается Сергей Мартинсон и в киносказках. Как правило, он не играет главных злодеев (разве что в «Сказке о потерянном времени»). Живо глот в «Волшебном зерне», Дуремар, торговец пивками, в «Золотом ключике»... Мелкие сошки? Но вспомните, проверьте собственное ощущение — не казалось ли вам, что не грозный и туловатый, откровенный и невезучий Карабас-Барабас, что не он, а бесчисленные «сырые и убогие», подлые, трусливые, мелкие, очень и очень недобрые, очень и очень завистливые, способные про-

дать и продаться, эти лисы Алисы, коты Базилио, Дуремары становились главным препятствием на пути к золотому ключику, к счастью.

И в сказочных образах, и в большинстве сатирических, комедийных ролей Сергей Мартинсон восстает против воинствующей посредственности, развенчивает ее, обнажает ее опасную суть. И бьет врага его же оружием: показывая идиота, подлека, завистника таким, каким он существует по жизни, стяжателя, пакутника (как не вспомнить тут сыгранного Мартинсоном в фильме «Идиот» чиновника Лебедева), таким, каким он рисует сам себе в тусклом воображении,

И в этом добрый и мужественный, гражданственный труд актера.

Рассказывают, что у актеров, играющих злодеев, есть затруднительная, личная, так сказать, сторона жизни. Мальчишки и иные простаки вменяют им лично проступки киногероев, улюлюкают вслед, показывают пальцем на улице... Я не верю этому.

У комедии и сатиры есть добрый и открытый совсем не мною закон. Чем больше дурного, ничтожного высмеял актер, чем тоньше и талантливее он это сделал, тем искреннее и горячее отданные ему симпатии.

А. ЗОРКИЙ.

11. Собр. Кинематографистов 1988г.